

ГЕРЦЕН И АМЕРИКАНСКИЙ ПУБЛИЦИСТ

Ч. Г. ЛИЛЕНД

Публикация С. Стеллинга - Мишо (Женева)*

Первые размышления Герцена о России и Америке, первое сопоставление их исторических судеб и предвидимого будущего относятся к годам его молодости. В 1833 г., после чтения напущенного двухтомного труда А. де Токвиля «*La démocratie en Amérique*», Герцен писал: «„Об Америке“ соч. Токвиля нагнало скорбь и грусть на меня. Он в заключении говорит: „Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия“¹. Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая. А будущее России необъятно — о, я верую в ее прогрессивность» (XXI, 386).

Через десять лет, во время Июньских дней, Герцен был арестован в Париже, у церкви св. Магдалины национальными гвардейцами, которые, приняв его за шпиона, повели в полицейский участок, несмотря на все его протесты. Герцен рассказывает, как он случайно столкнулся лицом к лицу с «представителем народа». «...Это был Токвиль, писавший об Америке. Я обратился к нему и рассказал, в чем дело; шутить было нечего: они без всякого суда держали людей в тюрьме, бросали в тюльерийские подвалы, расстреливали. Токвиль даже не спросил, кто мы; он весьма учтиво раскланялся и отпустил нижеследующую пошлость: „Законодательная власть не имеет никакого права вступать в распоряжения исполнительной“». И Герцен добавляет: «Как же ему было не быть министром при Бонапарте?» (X, 30).

Несмотря на антипатию, которую внушила Герцену личность Токвиля, он сохранил в памяти его знаменитое пророчество, которому суждено было приобрести новый смысл с той поры, как Герцен покинул Россию и открыл для себя Западную Европу.

Вот это пророчество: «Есть теперь два великих народа, которые, отправляясь от двух различных точек, кажется, движутся к одной и той же цели: это русские и англо-американцы. Оба выросли во мраке; и в то время как людские взгляды устремлены были в иных направлениях, они внезапно встали в первом ряду наций, и мир в почти одно и то же время узнал о их рождении и о их величии. Все другие народы, по-видимому, уже почти достигли границ, намеченных природой, и им остается только сохранить их; эти же продолжают расти; все другие остановились или движутся вперед лишь с огромными усилиями; только эти отмеривают легким и быстрым шагом поприще, границы которого взгляд еще не может различить»².

После революции 1848 г. Герцен будет развивать, хоть и в иной перспективе, ту же идею, назначая Соединенным Штатам Америки и России (но России, освободившейся от тирании и от крепостного права, духовно возрожденной социализмом) решающую роль в движении человечества. Он писал в статье 1849 г. «*La Russie*»: «Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся. Одна из них известна, я говорю о Северо-Американских Штатах. Другую же, полную сил, но вместе и дикости, — знают мало или плохо» (VI, 190)³.

В «Письме русского к Маццини» того же 1849 г. Герцен обличает абсолютизм, который, «желая все поглотить и всего боясь, стесняет движение России» (VI, 234)⁴.

* Настоящая работа впервые появилась в сборнике «*Autour d'Alexandre Herzen*». Для публикации в «Литературном наследстве» она заново пересмотрена и дополнена с учетом новых сведений, в частности тех, которые напечатаны в работах советского исследователя В. А. Черных.

Кроме того, в приложении к настоящей публикации печатается, в русском переводе с английского, неизвестная ранее статья Лилленда «Герцен о Франции и России» из газеты «*Philadelphia Daily Evening Bulletin*» от 23 апреля 1858 г. Эта статья была разыскана по просьбе редакции «Литературного наследства» г-жой Кристиной Блендей при посредничестве г. Р. Т. Уэра, за что редакция выражает им глубокую благодарность.

Публикацию Стеллинга-Мишо перевел с французского и английского Л. Р. Ланский.

При Второй империи, в то время как в древней и дряхлой Европе «старые *Монтекки* и *Капулетти*» продолжали свою «наследственную вражду» (XII, 176), Герцен занял позицию, враждебную Крымской войне, которая, как он предсказывал, «окончится в пользу Николая или Луи Бонапарта, т. е. в обоих случаях в пользу *деспотизма*...» (XII, 184). Герцен заключал из этого, что расправа над работниками будет «еще свирепее, еще страшнее», чем в Июньские дни. «Тогда гибель старого мира придет иным путем, и социальная идея может осуществиться в других странах» (XII, 169). Западная Европа, уже не способная преодолеть свой прогнивший капитализм, увидит, как ее будущее воплощается в ином месте. И Герцен уточнял в открытом письме к В. Линтону, озаглавленном «Россия и старый мир»: «Взгляните, например, на эти две огромные равнины, которые соприкасаются затылками, обогнув Европу. Зачем они так просторны, к чему они готовы, что означает пожирающая их страсть к деятельности, к расширению? Эти два мира, столь противоположные и все же в чем-то схожие, — это Соединенные Штаты и Россия» (XII, 169). Эти две державы унаследовали от Европы — одна свои достоинства, другая — свои недостатки: «Как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до *чудовищной* крайности начала монархизма и европейской бюрократии» (XII, 172).

Только после смерти Николая I и окончания Крымской войны русские устремления в сторону Тихого океана сделали актуальной проблему Россия—Америка, и с той поры Герцен стал придавать особую важность сближению России и США, которое вскоре сделалось для обеих стран исключительно плодотворным.

Во втором «Письме к Джузеппе Мапцини о современном положении России», написанном в феврале 1857 г. и опубликованном в *Italia del Popolo* 10 марта, Герцен констатирует мрачный застой, царящий на Западе, и утверждает, что «вне Европы в настоящее время есть только две страны, которые живут действительной жизнью, — это Соединенные Штаты и Россия. Остальные страны спят тяжелым сном или корчатся в судорогах, но нас это не затрагивает» (XII, 349). Герцен проводит параллель между политикой территориального расширения России и аналогичной политикой Соединенных Штатов, видя в развитии Сибири и в заселении русскими устья Амура «одни из самых важных шагов цивилизации», источник богатства не только для России, но и для американской торговли: гавани Сибири готовы принять «пароходы с флагами в звездах» (XII, 350).

Сравнивая психологию народов обеих стран и их различную общественную структуру, Герцен, однако, вынужден был спросить себя: «Каково будет отношение Соединенных Штатов к социалистическим тенденциям, т. е. к будущему» — и отвечал: «Сказать трудно, так как Америка при всех своих недостатках тоже представляет собой *буржуазную демократию*» (XII, 351).

В начале того же 1857 г. в статье, озаглавленной «Еще вариация на старую тему», Герцен высказал подобные же сомнения: «Как Америка будет относиться к социальным стремлениям — трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий обща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость» (XII, 429).

Именно в это время, в 1857 и 1858 гг., Герцен вступает в прямые сношения с американскими литераторами — политиками и экономистами, и в нем укореняется надежда на возможность для Америки эволюционировать в сторону политических и социальных форм, имеющих подлинно демократический характер. В 1857 г. Герцен познакомился в Лондоне с филаделфийским социологом Г. Ч. Кэри, основателем американской школы политической экономии⁵. По возвращении из путешествия по России Кэри поделился с Герценом своими впечатлениями и особенно похвалил «мирское начало» русских «коммун» (т. е. крестьянских общин), в которых «лежит великая основа самоуправления» (XIV, 182, 520)⁶.

Оба деятеля вскоре обменялись письмами и статьями.

В своем первом труде «*Essay on the Rate of Wages*» (1835) Кэри исследовал положение рабочих в разных странах. Он принадлежал к числу сторонников «свободной торговли» (см. его трехтомное сочинение «*The Principles of Political Economy*», 1839—1840); затем его увлекла протекционистская доктрина, и он вступил в борьбу с видными английскими сторонниками свободного обмена. В последнем своем труде «*The Principles of Social Science*» (начало его было выпущено в 1858 г. Н. Трюбнером) Кэри применил к науке об обществе принципы естествознания. Этот труд превосходно выразил, по мнению Герцена, характер американской мысли. «Вас поразят <...> — писал он, — эта свежесть и простота, которую вносит в схоластический храм политических вопросов американский ум». «Для примера, — добавлял Герцен в примечании, — очень

рекомендуем „The Science of Society“ Кэри» (XIII, 400).

Надежда, которую Герцен питал по отношению к Соединенным Штатам и их политической роли, привела его к некоторой идеализации американской буржуазной демократии, основанной на self-government * и индивидуальной свободе. Герцен рассматривал тогда Соединенные Штаты как представителя юных народов, от которых можно было ждать обновления старого мира.

В 1858 г. Герцен вступил в переписку с другим видным американским публицистом — Ч. Г. Лилендом, одним из лучших специалистов по русскому вопросу и горячим поклонником издателя «Полярной звезды», чьи произведения он популяризировал в Соединенных Штатах. Об отношениях Герцена с Лилендом до недавнего времени ничего известно не было, и его имя совсем не упоминается в собраниях сочинений Герцена.

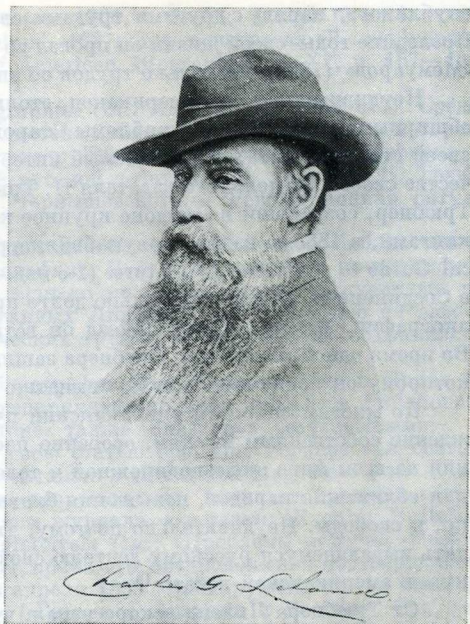
Наряду с О. Грили и Ч. Даном, Лиленд был одним из немногих североамериканских публицистов, которые в годы политического кризиса, приведшего к Гражданской войне, уделяли международным проблемам столь же большое внимание, как и внутренней политике молодого федеративного государства.

Чарлз Годфрид Лиленд, сын коммерсанта, родился в 1824 г. в Филадельфии. Среднее образование он получил в колледже Нью-Джерси, где, как он сообщает в своих мемуарах, «теология и математика ценились чрезвычайно высоко». Хотя у Лиленда в обоих этих предметах были серьезные пробелы, он поразил своими способностями некоторых своих учителей и был отправлен в Европу, где провел два года в университетах Гейдельберга и Мюнхена, питая привязанность к Германии как к своей второй родине. В 1848 г. Лиленд записался в Сорбонну и во время революции целых три дня был «капитаном» на одной из парижских баррикад. Он входил в состав того Американского комитета, который поздравил французских революционеров с их борьбой против монархии.

Возвратившись в Филадельфию, Лиленд изучил право и вступил на адвокатское поприще, которое вскоре покинул для журналистики. В течение двадцати одного года он находился в самой гуще политической жизни, участвуя в войне Северных и Южных штатов, в освоении Дальнего Запада и занимаясь литературной деятельностью. Дебютировал он статьями об искусствоведческих проблемах в «Union Magazine» Дж. Сартена, затем сотрудничал в нью-йоркском «Illustrated News» Ф. Т. Барнума и, наконец, вошел в состав редакционной коллегии филадельфийского «Evening Bulletin», где сотрудничал с 1858 г.

Его первая книга «Meister Karl's Sketch Book» (1855) представляет собой сборник очерков и эссе в жанре, созданном В. Ирвингом. С 1857 по 1861 г. он редактировал «Graham's Illustrated Magazine», а затем в 1862 г. взял на себя редактирование бостонского «Continental Monthly» — органа, боровшегося за уничтожение рабства и освобождение негров. В 1863 г. Лиленд принял участие в битве при Геттисберге в качестве артиллериста.

Лиленд переводил Г. Гейне, сочинял сатирические баллады, полные юмора и поэтического чувства; они были объединены потом под заголовком «The Breitmann Ballads» (L., 1871). По возвращении в Европу в 1869 г. Лиленд обосновался в Лондоне, где прожил до 1879 г. Именно в этом году в Нью-Йорке появился его труд «Abraham Lincoln and the Abolition of Slavery in the U. S.». Вместе с В. Безантом Лиленд основал «Раблезианский клуб», приобретший большую известность. Одаренный способностями к языкам, Лиленд говорил по-немецки, французски и итальянски; он изучал и сербскохорватский, а также язык ирландских и уэльских цыган и

ЧАРЛЗ ЛИЛЕНД

Фотография, 1860-е гг.

Из книги: El. Pennell. Charles Godfrey Leland. A biography. Vol. 1. London, 1906

* самоуправления (англ.).

опубликовал наряду с другими трудами свой «Словарь сленга» («The Dictionary of Slang», 1887). Последние годы своей жизни он провел во Флоренции, где и умер 20 марта 1903 г., издав, кроме «Мемуаров» (1895), несколько трудов об античности и латинской литературе ⁷.

Неудивительно, что американец, столь глубоко овладевший культурой и обладающий столь обширными взглядами на проблемы Старого Света, вступил в сношения с Герценом, который, со своей стороны, питал неистощаемый интерес к тому, что касалось Нового Света. При посредничестве своего знаменитого издателя Н. Трюбнера ⁸ Герцен установил в 1858 г. связь с Лилендом. Трюбнер, создавший в Лондоне крупное коммерческое предприятие по торговле американскими книгами, в 1855 г. издал первую библиографию американских изданий XIX в. — «Bibliographical Guide to American Literature» (2-е изд. — 1859). С 1852 г. он несколько раз совершал поездки в Соединенные Штаты и довольно долго пробыл там летом 1855 г., после публикации своей библиографии. Именно в этот приезд он встретился с Лилендом в Филадельфии (летом 1858 г.). Во время одной из поездок Трюбнера зашла речь о Герцене, сочинения которого Лиленд знал и к которому он испытывал живую симпатию ⁹.

По многим вопросам американский публицист находил в произведениях Герцена подтверждение собственным мыслям, особенно насчет развития торговли и промышленности, расширения во всем мире железнодорожной и телеграфной сети. Лиленд видел в этом лучшее средство для сближения народов, повышения благосостояния и материального прогресса, а следовательно, и свободы. Неудивительно поэтому, что, беседуя с Трюбнером о Герцене, он поручил передать выдающемуся русскому деятелю свою статью «Herzen on France and Russia», опубликованную в американской печати ¹⁰.

От Трюбнера Лиленд вскоре узнал, что его статья понравилась Герцену, и он написал ему 22 июня 1858 г. из Филадельфии первое письмо, а затем и второе, датированное 13 ноября того же года. Эти два документа позволили нам установить *подлинного* адресата того письма Герцена, которое было впервые опубликовано по черновику «пражской коллекции» в т. 61 «Литературного наследства». Высказанное автором этой публикации Л. Я. Гинзбург предположение о том, что адресатом его был Г. Ч. Кэри, теперь окончательно снимается.

В «Мемуарах», написанных Лилендом в конце его жизни, он кратко упоминает о своих отношениях с Герценом, особо отмечая свою непродолжительную, но очень значительную переписку с ним во время кризиса, приведшего Соединенные Штаты к Гражданской войне. Борьба, которую Герцен вел за уничтожение крепостного права в России, в известной мере стимулировала Лиленда в его собственной политической борьбе за уничтожение рабства. Страстный республиканец и упорный сторонник союза Севера и Юга, Лиленд боролся после выборов Линкольна (в ноябре 1860 г.) с тенденцией умеренных, «которые думали, — говорит он, — включая самого Линкольна, что если Юг потребует своего отторжения от Соединенных Штатов, то не следует сидеть мешать ему покинуть Союз». «В течение нескольких лет, — продолжает Лиленд в своих «Мемуарах», — распространялась мысль о том, что наша страна стала слишком большой, чтобы оставаться единой. Я всегда отвергал эту жалкую мысль. Вот тогда-то я вступил в сношения с русским Искандером, или Александром Герценом, который на целый век опередил свое время. Он был истинным вдохновителем уничтожения крепостного права в России, как впоследствии это покажет история. Я написал в то время длинную статью, в которой предлагал русскому правительству открыть для иностранцев золотые рудники Урала < . . > Герцен перевел эту статью на русский язык (я располагаю одним экземпляром); 20 000 ее экземпляров циркулировало в России. Царь прочел ее. Герцен писал мне: «Она будет отложена лет на сорок, и потом, быть может, из нее что-нибудь сделают. Тихий океан станет Средиземным морем будущего». При таких мыслях, — замечал Лиленд, — я не мог согласиться с расчленением Соединенных Штатов». И Лиленд указывает в примечаниях: «Герцен прислал мне полный комплект всех своих трудов» ¹¹.

Письма печатаются по фотокопиям с автографов *BJIG*. Впервые опубликованы на языке оригинала С. Стеллингом-Мишо в *ААН*, 316—317, 321—322.

¹ Ср.: A. de T o q u e v i l l e. La démocratie en Amérique, v. II. P., 1835, p. 449—450.

² Ibid.

³ Герцен воспроизвел это место в своей французской брошюре «О развитии революционных идей в России» (1851) — VII, 19—20, 148—149.

⁴ Статья появилась впервые в немецком издании «С того берега».

⁵ См. «Dictionary of American Biography», v. III, p. 487—489. См. также интересную статью Л. Гинзбург в «Лит. наследстве» (т. 61, с. 242—244).

⁶ Другое упоминание о Кэри мы находим у Герцена в его «Prolegomena» (1867) также в связи с проблемой самоуправления русской сельской общины (XX, 66).

⁷ См.: Elisabeth R. Pennel. Ch. G. Leland. Boston, 1906, v. I—II; Joseph Jackson. A Bibliography of the Works of Charles Godfrey Leland, 1927: перепечатка из «Pennsylvania Magazine of History and Biography»; «Dictionary of American Biography», v. XI, p. 157—160 (ст. G. H. Gentzmer).

⁸ О Н. Трюбнере см. в «Allgemeine deutsche Biographie» (Bd. XXXVI, S. 674—677). Среди бумаг Трюбнера, хранящихся в университетской библиотеке Гейдельберга — города, в котором он родился, насколько нам известно, нет писем Герцена и Лиленда. Об отношениях Герцена и Трюбнера см.: В. А. Черныш. Из истории вольной русской печати (А. И. Герцен и Н. Трюбнер. Первый период сотрудничества).— Сб. «Эпоха Чернышевского.— Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1978, с. 61—77.

⁹ Бумаги Лиленда частично сохранились в Принстонской университетской библиотеке и в Пенсильванском историческом обществе (в Филадельфии). В этом архиве нет, по-видимому, ни одного письма Герцена и Трюбнера к Лиленду. Однако по разъяснениям, полученным из Филадельфии, весьма большое число писем, адресованных Лиленду, еще полностью не разобрано. Что касается его литературных и публицистических трудов, то их в архиве сохранилось пятнадцать пачек.

¹⁰ Эта статья Лиленда не фигурирует ни в библиографии Дж. Джексона, ни в «Index to Periodical Literature» (1802—1881) Пуля. Поиски, предпринятые по моей просьбе в Библиографическом отделе Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, также оказались безуспешными.

Первоначально я считал, что Лиленд посвятил свою статью брошюре Герцена «La conspiration russe de 1825...» и опубликовал ее в журнале «Graham's Illustrated Magazine» (см. ААН, 314—315). Московский исследователь В. А. Черных, возражая мне, высказал предположение, что статья Лиленда была опубликована не в названном журнале, а в газете «Evening Bulletin» и посвящена брошюре Герцена «La France ou l'Angleterre?» (см.: «Проблемы истории общественной мысли и историографии», с. 190). В настоящее время его предположение подтвердилось. В газете «Philadelphia Daily Evening Bulletin» от 23 апреля 1858 г. обнаружена статья без подписи, озаглавленная «Herzen on France and Russia» («Герцен о Франции и России»). Это, без сомнения, именно та статья Лиленда, которую он послал через Трюбнера Герцену. См. ее перевод ниже, в Приложении.

¹¹ Ch. G. Leland. Memories. N.Y., 1893, p. 237. Лиленд имел в виду здесь листовку, озаглавленную «Господам директорам Общества колонизации берегов Амура в С.-Петербурге» за подписью Чарлз Г. Лиленд (издатель «Evening Bulletin»). Она, вероятно, рассылалась как приложение к «Объявлению» Трюбнера при «Колоколе» (см.: «Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне, 1853—1865», сост. П. Н. Берков). Герцен оказал содействие переводу этого обращения Лиленда и его публикации (см. ниже письмо Лиленда к Герцену от 13 ноября и ЛЖГ II, 458, 460). Автор листовки приветствовал усилия, предпринятые для освоения земель по берегам Амура, как залог сближения России и США. «Мы — две огромнейшие страны в мире, населенные народами, предназначенными достигнуть великого могущества, мы становимся, движимые быстрыми событиями немногих годов, лицом друг к другу, между нами Тихий океан, это «Средиземное море будущего», как сказал один русский» (выражение Герцена из статьи «Крещеная собственность» — XII, 110).

Ч. Г. ЛИЛЕНД — ГЕРЦЕНУ

1

Перевод с английского:

А. Герцену, эсквайру

<Филадельфия.> 22 июня 1858 г.

Любезный сэр,

С большим удовольствием узнал я от г. Трюбнера, что вы с одобрением отнеслись к моей статье о вашей последней брошюре¹. Надеюсь, что и другая статья о вас в той же газете также сможет встретить ваше высокоценное одобрение².

Россия для меня, как и для каждого мыслящего американца, представляет глубокий интерес. Несколько лет тому назад я начал изучать ее язык, который из-за отсутствия здесь учителя принужден был оставить в пользу более легких южнославянских наречий, но и их снова забросил, взяв на себя обязанности редактора ежедневной газеты³. Однако внимание, которое я уделял русским предметам, описаниям путешествий и пр., оказалось для меня бесполезным. Я полагаю, что, за исключением нашего коллеги из «New York Tribune»⁴, ни один редактор у меня на родине не трудился более усердно над формированием сочувствия обществу великому, продолжающему расти славянскому гиганту, и я знаю, что мои усилия дали хороший результат. Правда, сведения мои покажутся вам весьма ограниченными, но все же, располагая книгой

Graham's Illustrated Magazine,

HATFIELD BROTHERS, PUBLISHERS.

CHARLES O. LILLARD, REMO.

No. 112 South Third Street, Philadelphia.

June 22 1858

A. Herzen Esq.
Dear Sir,

It was with great pleasure that I learned from Mr. Toulmin that an article of mine on your late brochure had met with your approbation. I trust that another on yourself in the same paper may also meet with your very distinguished approval.

Russia is to me, as to all reflecting Americans, deeply interesting. Some years ago I began the study of the language which for want of a teacher here, I was compelled to ab-

much influence through the United States at large, our articles being very much copied. The distinctions between metropolitan and provincial papers are not observed in this country as in England, though the New York press is enormously beloved abroad to speak for the whole country. It most certainly does not

Hoping that I may be still further able to aid you and to promote a knowledge of and a good feeling towards Russia in the United States. It gave me the honor to be

Yours very truly
Charles G. Lillard

ПИСЬМО ЧАРЛЗА ЛИЛЕНДА ГЕРЦЕНУ

Автограф. Филадельфия, 22 июня 1858 г.

Международный институт социальной истории, Амстердам

Тегеборского⁵ и другими источниками, мыслящий человек, и тем более редактор ежедневной газеты, привыкший думать за других, должен кое-чему научиться.

Я с удовлетворением обнаружил в вашем труде о Франции и Англии⁶ взгляды, удивительно совпадающие с моими собственными. Промышленное развитие, свобода, достигнутая путем активного использования и перемещения капитала, и нелепость всяческих театральных лохмотьев de la grande armée* и «последнего из Абенсерагов»⁷ — истины нашего века. Железные дороги — это настоящие жизненные кровеносные сосуды нации, а телеграфы — ее нервы, передающие жизненные электрические токи⁸.

Наша ежедневная газета широко распространена и имеет большое влияние во всех Соединенных Штатах, статьи наши очень часто перепечатываются. Столичные и провинциальные газеты в нашей стране не так отличаются друг от друга, как в Англии, хотя за границей нью-йоркскую прессу ошибочно принимают за глашатая всей страны. Конечно, это не так.

Питая надежду, что буду иметь и в дальнейшем возможность помогать вам и способствовать познанию и пробуждению добрых чувств к России в Соединенных Штатах, имею честь быть]

истинно преданным вам Чарлз Г. Лилленд⁹

Письмо написано на бланке: „Graham's Illustrated Magazine“. Владельцы — г-да братья М. Лафлины. Издатель Чарлз Г. Лилленд. South Third Street, № 112. Филадельфия.

¹ Речь идет о большой анонимной рецензии Лилленда на брошюру «La France ou l'Angleterre?», напечатанной под названием «Герцен о Франции и России» 23 апреля в газете «Philadelphia Daily Evening Bulletin». См. ниже в приложении к наст. публикации русский перевод статьи Лилленда.

² Разыскать эту статью до сих пор не удалось.

* великой армии (франц.).

³ Вероятно, «Philadelphia Daily Evening Bulletin», в которой Лиленд печатал редакционные статьи.

⁴ Без сомнения, это О. Грили, один из виднейших фурьеристов США, в 1842 г. основавший «New York Tribune» (в ней некоторое время сотрудничали К. Маркс и Г. Ч. Кэри).

⁵ Людвиг Валерьянович *Тегеборский* (Тенгборский, 1793—1857) — дипломат, экономист и статистик. С 1848 г. — член Государственного совета. Его четырехтомный труд «Etudes sur les forces productives de la Russie» вышел в Париже в 1852—1855 гг. В то время это было лучшее пособие по экономической статистике России. Русский перевод книги появился в 1854—1858 гг., английский — в 1855—1856.

⁶ Брошюра Герцена «La France ou l'Angleterre? Variations russes sur le thème de l'attentat du janvier 1858» (Л., 1858). Оригинальный французский текст (см. XIII, 209—253) был переведен на английский, немецкий и русский языки.

⁷ Это высказывание Лиленда вызвано следующим местом из брошюры Герцена: «Да, люди, предпочитающие военную славу своей родине свободе, — не любят свободы. Это римляне древнего Рима, храбрецы Великой армии; это последние Абенсераги, последние могикане... все, что хотите, но только не люди нового мира» (XIII, 250). Романы «Приключения последнего из Абенсерагов» А. де Шатобриана и «Последний из могикан» Ф. Купера вышли в свет в 1826 г.

⁸ Проблема железных дорог особенно интересовала Лиленда. См. его труд: «The Union Pacific Railway, Eastern Division, or Tree Thousand Miles in a Railway Car». Philadelphia, 1867.

⁹ Герцен ответил Лиленду тем письмом от июля 1858 г., которое было впервые воспроизведено в «Лит. наследстве» (т. 61) с предположением, что оно адресовано Г. Ч. Кэри (XXVI, 196—197), а на самом деле, как теперь устанавливается, — Лиленду.

2

Филадельфия, ноября 13-го ¹ 1858 г.

Александру Герцену, эскавайру
Любезный сэр,

Позвольте мне послать вам мою сердечнейшую благодарность за подаренные вами немецкие труды ваши². Они существенно помогли мне оценить чудодейственную и многообразную мощь, которой обладает великий представитель русского ума и прогресса. Я буду говорить в печати более подробно через несколько дней о их достоинствах³.

Мои разнообразные занятия и постоянный деловой водоворот, хотя и не помешали мне писать о России и о вас лично, привели тем не менее к тому, что я вследствие некоторой небрежности не послал вам всего написанного мною. Приложенные выписки из влиятельной на Западе немецкой газеты⁴, хотя они софистичны и фальшивы, уже показывают, что имя ваше здесь известно. Однако я уверен, что мой ответ на это будет прочтен еще несколькими тысячами именно тех читателей, на которых вам хотелось бы оказывать влияние.

Я очень обязан вам за проявленную вами любезность в переводе и публикации моей памятной записки об Амурском крае, а также редакционной статьи⁵. Для меня это большая награда.

Каждый день я все более убеждаюсь в том, что мои выступления в пользу России произвели *должный эффект*. Недавно я выступил в защиту позиции нашего посланника в Китае, поддержавшего Россию в тот момент, когда она в этом весьма нуждалась. Защита этой позиции «Union» (правительственного органа) была *весьма* слабой. Она не учитывала практических преимуществ, которые мы могли бы ожидать от оккупации Россией Маньчжурии⁶.

С уверением в прежнем моем уважении
имею честь быть весьма преданным вам

Чарлзом Г. Лилендом

¹ Не исключено, что в дате этого письма Лиленд сделал опisku и оно должно быть отнесено к 13 декабря того же 1858 г. См. ЛЖГ II, 461.

² Трюбнер, по-видимому, послал Лиленду по указанию Герцена следующие его произведения, вышедшие до конца 1858 г. на немецком языке: «Russlands soziale Zustände». Hamburg, 1854; «Die russische Verschwörung und der Aufstand vom 14 Dezember 1825». Hamburg, 1858.

³ Написал ли Лиленд статьи об этих сочинениях Герцена, пока установить не удалось.

⁴ Приложенные Лилендом выписки из газеты «Illinois Staats Zeitung» до нас не дошли и восстановит их не представляется возможным, так как комплекты этой газеты за 1850-е годы погибли во время чикагского пожара 1871 г. О немецких периодических изданиях западного полушария см. в кн.: Karl Wittke. The German Language Press in America. Lington, University of Kentucky Press, 1857.

⁵ Памятная записка Лиленда об Амурском крае была напечатана в русском переводе в виде приложения к «Объявлениям о русских книгах Н. Трюбнера и К», № 11 от 1 декабря 1858 г.

Текст записки воспроизведен в статье В. А. Черных «А. И. Герцен и американский публицист Чарлз Г. Лиленд» (упом. изд., с. 192—194).

⁶ Имеется в виду Айгунский договор между Россией и Китаем, подписанный в мае 1858 г. генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым. Этим договором юридически устанавливалась принадлежность России левого берега Амура от реки Айгунь и до устья. Лиленд посвятил Айгунскому договору редакционную статью в «Philadelphia Daily Evening Bulletin» от 8 октября «Наш западный сосед». Герцен упомянул об этом выступлении в статье «Америка и Сибирь», воспроизведя из него несколько фраз, тем более интересных, что они выражали идеи, близкие идеям самого издателя «Колокола». Вот отдельные выдержки из статьи Лиленда (выделенные нами курсивом выражения переведены и процитированы Герценом):

«В последних сообщениях из С.-Петербурга говорится, что трактат, заключенный Муравьевым, вызвал большую радость в Сибири, а в Иркутске он стал причиной официальных празднеств, благодарственных молебнов в церквях и артиллерийских салютов. Если реальное влияние, которое муравьевский трактат в конечном счете будет оказывать на весь мир, приведет к тому, что американские интересы будут должным образом приняты во внимание, то у нас будет отличный повод для того, чтобы радоваться здесь тоже по той причине, которую история ближайшей половины столетия неизбежно покажет. Россия напрягает все силы своей могучей воли и посвящает свои лучшие ресурсы тому, чтобы превратить Восточную Сибирь в торговый и промышленный край. А так как Соединенные Штаты являются ее соседом с противоположной стороны и в действительности единственным цивилизованным соседом, скоро можно будет увидеть, какое мы придаем этому важное значение. Для наших интересов также важно иметь соседей, с которыми мы могли бы торговать, и чем скорее разовьется Калифорния, тем скорее поднимется наш Запад и тем раньше будет чувствоваться потребность завершения нашей Тихоокеанской железной дороги. Пусть Амурская компания продолжает так же серьезно и быстро действовать, как она действовала в прошлом году, и это к концу следующего десятилетия продвинет нашу страну на целых полвека вперед. Это утверждение очень смело, но факты доказывают его справедливость.

Теперь век быстрых действий, крупных событий, новых империй, возникающих на берегах неведомых морей, и, набрасывая подобные могучие планы и постепенно воплощая их в жизнь, США и Россия находят неизмеримо впереди всего остального мира <...> Шаг за шагом Россия заселила обширные края со скоростью, не имеющей равных вне Америки. Языки, религия и обычаи — все растворилось в русском, и новые провинции, если они разовьются, будут свободны — свободны от крепостного права <...> Когда Тихоокеанская железная дорога будет закончена и Россия приобретет открытый морской берег, американцы и москвиты смогут позволить себе смотреть друг на друга — один на запад, другой на восток — через Тихий океан, название которого служит хорошим знаменем — и повернутся спинами к Европе <...> Русские знают значение Америки и уважают ее, Джон Буль относился к нам пренебрежительно, а Франция нас презирает. Но неотвратимые законы промышленного прогресса, поскольку они обусловлены географией и климатом, будут навязывать свои пути. В них заключается явная судьба народов».

Герцен заимствовал из этой статьи Лиленда не только аргументы, но и некоторые выражения. См., например, начало статьи Герцена «Америка и Сибирь»:

«Когда окончится железная дорога к Тихому океану и Россия со своей стороны будет иметь открытый берег на нем, тогда русские и американцы могут, спокойно обращая спиной к Европе, протянуть друг другу руку через него, и да будет самое имя океана (Pacific *) добрым знаменем будущего союза!»

... Наш век — век быстро совершающихся событий; новые государства возникают на берегах неведомых морей, едва сбыточные планы не только замышляются, но и приводятся в исполнение. Россия и Америка далеко оставляют за собой другие государства в выполнении их. Если управление русской колонией на Амуре еще лет десять пойдет тем быстрым шагом к развитию, как в прошлом году, то мы двинемся на полстолетия вперед. Трактат, заключенный Муравьевым, со временем будет иметь мировое значение» (XIII, 398).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАТЬЯ Ч. Г. ЛИЛЕНДА ИЗ ГАЗЕТЫ «PHILADELPHIA DAILY EVENING BULLETIN» от 23 апреля 1858 г.**

ГЕРЦЕН О ФРАНЦИИ И РОССИИ

Крупный недостаток убежденных сторонников революционного либерализма в Европе — это что среди них так мало политиков универсального, всеобъемлющего ума — людей, которые понимают вещи так, как они есть, которые видят повсюду не только политическую экономию, железные дороги и промышленность, но сознают и угнетающую их тиранию, или таких людей, которые ищут пути улучшения общества не только в гильотинах. «Сперва революция, а затем...» —

* Тихий, Мирный (англ.).

** Перевод с английского М. П. Мироненко.

вот, кажется, и вся их программа. Те, кто был в Париже в 1848 г., могут припомнить, как каждый заявлял о своем безоговорочном желании видеть «вещи как они есть» и понимать открывающиеся возможности. Республика должна была стать лучше американской, установления — благороднее: когда же дошло до дела, то обнаружилось, к несчастью, что ужасное национальное невежество и провинциальная узость взглядов воспрепятствовали сколько-нибудь единому преобразованиям.

Однако мы недавно получили брошюру, изданную в Лондоне Трюбнером (ему Америка столь глубоко обязана за его настойчивые усилия ознакомить Европу с нашей литературой); она достаточно ясно показывает нам, что по крайней мере один свободомыслящий человек, Герцен, русский, горячо стремясь к делу свободы, не настолько слеп, чтобы не видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Он понимает, что каждый народ стал тем, что он есть, не сразу, а постепенно развиваясь в течение столетий; что одно событие должно еще продолжаться, чтобы привести к другому, и что «Луи Наполеон — это следствие, а не причина» *. Он — наказание, если хотите, но вина лежит в другом направлении.

Принимая во внимание эти свободололюбивые и обнадеживающие идеи и зная факты в целом как они есть, свою надежду на прогресс Герцен основывает на том развитии промышленных интересов, которое столь точно отождествляется с прогрессом личной свободы и свобод политических. Главный вопрос, который он ставит, это: выгоднее ли Англии заключить союз с Францией или же с Россией и есть ли какой-нибудь логический здравый смысл в идее коалиции России и Франции? Другие правительства на континенте могут находить это выгодным, но для России единение с Францией было бы нелепостью. Было время, когда Россия шла тем же путем, что и остальная Европа, — шла под нажимом силы и вопреки своей натуре. Теперь она возвратилась на свою естественную дорогу: в своем развитии промышленного процветания она идет тем же великим путем, что и Англия, и Соединенные Штаты; и у нее нет больше ничего общего с Францией, которая до сих пор всенародно руководствуется, сплачивается, воодушевляется и управляется одной идеей — надеждой на военную славу и глубоко скрытой верой в нее как в *summi bonum* ** нации.

В этом своем взгляде г. Герцен прав. Империя Бонапарта не просуществовала бы двух дней, не найди она отклика в характере французского народа. Этот народ живет в *éclat* ***. Это «страна воинственная, солдатская. Она любит выставку власти, чрезвычайные меры, приносящие личность в жертву государству, человека — идее <...> Можно ли <...> вообразить себе Англию, например, бонапартистской?»**** «Люди, предпочитающие военную славу своей родине свободе <то есть свободе других народов.—Ч.Л.>, не любят свободы»*****. В этом есть высокая правда — величие космополитического сердца. «Это римляне древнего Рима, храбрецы Великой армии; это последние Абенсераги, последние могикане... все, что хотите, но только не люди нового мира» *****.

И здесь г. Герцен высказывает высшую истину. Существует новый порядок вещей и новый круг идей, крайне отличный от всех старомодных и смехотворных представлений о войне и рыцарстве, и эти новые идеи завоевывают почву в англосаксонском мире и в России с огромной быстротой, бесконечно быстрее, чем в остальном мире, и прямым следствием этого является освобождение личности и свобода действий. В этих поистине передовых странах прогресс процветания и свободы составляет часть политической жизни и правительственных мер, тогда как во всей остальной Европе задача правительства — замедлить его. Напрасно было бы отрицать это. Громадные усилия предпринимаются теперь русским императором для освобождения крепостных — пред лицом почти неисчислимых трудностей отвечать на каждое возражение. Россия, подобно Америке, движется вперед гигантскими шагами. Наполеон (III) — «замечательный парень», человек потрясающей энергии, крупный талант — человек, чьей силой и личным успехом можно восхищаться, но он — последний из могикан, последний великий представитель старого порядка вещей, поддержанный народным чувством штыковой романтики, время которой прошло. Бонапартизм живет — или жил — смертью. «Его слава, — говорит Герцен, — вся из крови, вся из трупов. В нем нет созидательной силы, нет производительной деятельности: он совершенно бес-

* XIII, 240.— *Ред.*

** высшее благо (*лат.*).

*** блеске славы (*франц.*).

**** XIII, 249.— *Ред.*

***** Там же, 250.— *Ред.*

***** Там же.— *Ред.*

плоден» *. *Убивать и быть блестящим* — какой печальный контраст с огромным социальным прогрессом Англии и России.

И все же лишь глупец может осуждать Луи Наполеона, и тот, кто не способен восхищаться им, должно быть, слеп. Последний представитель умирающего принципа, находящего отклик на Востоке и в Алжире, но отнюдь не на ткацких фабриках, железных дорогах или в литературе, он до конца верен наполеоновским идеям. Утверждения, будто Франция процветает, лучше всего опровергаются тем фактом, что ее население не возрастает в числе. Страна, где население не растет, и не растет быстро, в настоящее время идет назад.

Россия долго пренебрегала реальным, очевидным путем к процветанию и пыталась европеизироваться при помощи смехотворного вмешательства в европейскую политику и содержания огромной постоянной армии. Петр I и Екатерина (II) «пожертвовали всем, и прежде всего счастьем народа, чтоб основать Российскую империю, чтоб организовать сильное государство и сделать его государством европейским» **. Выскочки, они желали пробить себе путь в европейскую аристократию. Преступление увеличивало это влечение. Павел продолжил эту ошибку. Александр I начал новую эпоху, но Николай возобновил прежнее безумие и с бешенством умалишенного принес в жертву огромные таланты. Вся его личность целиком принадлежала старому порядку вещей — абсурдному, смехотворному феодализму, покоящемуся на постоянных армиях и на аристократической власти, — и в течение тридцати лет его царствования великая Россия, способная к такому гигантскому прогрессу, изнывала под игом тирании; то было огромное приостановленное развитие.

А затем явился Александр II и увидел перед собой два пути на выбор: путь быстро устаревающего прежнего порядка вещей, на котором он еще некоторое время мог бы оставаться тираном, преследователем, а также сторонником постоянных армий, или же путь развития — реформы и освобождения. Он выбрал последний, и вследствие этого, как заявляет г. Герцен, успехи России за три года его царствования были огромны. «Все приходит в движение; мышцы <...> расправляются. Ставятся на очередь самые жизненные вопросы. Россия спокойно вступает на путь эконо-мической революции» ***.

Александр — а вместе с ним все те русские, которые выступают в защиту промышленного развития, — понял, что личная свобода должна развиваться вместе с развитием капитала и что земля, где есть железные дороги, должна быть свободной. И весьма естественный результат всего этого проявился в том исключительном факте, что в настоящий момент Россия — единственная (?) в Европе страна, где люди могут приезжать и уезжать или же прибывать в нее и покидать ее свободно! Три года тому назад Россия была так же недоступна, как Китай. Но промышленность и прогресс изменили все это, и пока Франция во всех отношениях двигалась вспять, Россия, великая деспотическая Россия, продвинулась вперед, и теперь живущий в русском городе иностранец не более стеснен полицейскими правилами и не в большей степени преодолевает постоянно угнетающее сознание вездесущего и во все вмешивающегося правительства, чем в Лондоне или Нью-Йорке <...>

Неистовейшая революция побуждает француза почтительнее, чем когда-либо, относиться к властям — какими бы они ни были, — обхаживать их; и в 1848 г. Революция или Республика не была установлена до тех пор, пока не получила в свои руки скипетр, полицейских шпиков и паспорта, как встарь; и подлинное, пылкое «Vive la liberté!» **** в честь господина Ламартина могло прозвучать лишь тогда, когда Ламартин занял королевскую ложу в Опере и она была убрана по-королевски, со всеми соответствующими драпировками, — король-кустышка! Англия обладает обычным правом, глубоко укоренившимся в умах людей, Америка — конституцией, но Франция, говорит Герцен, после каждой революции начинает снова с того, ««каковы нерушимые права человека? — Является ли свобода печати нерушимым правом? — Должно ли быть гарантировано право собрания?» Все эти вопросы, невозможные в Англии со времен Кромвеля, в Америке со времен Вашингтона, ставятся во Франции при каждой перемене правительства» *****.

Америка, Англия и Россия — три великие державы современности, и пока они следуют своей нынешней политике, до тех пор будущее мира принадлежит им — ибо только в них троих решительно признаны права промышленного развития, личной энергии и прогресса.

* Там же, 241.— *Ред.*

** XIII, 237.— *Ред.*

*** XIII, 240.— *Ред.*

**** Да здравствует свобода!» (*франц.*).

***** XIII, 251.— *Ред.*